

Марк Зайчик

ЧТО СЛЫШНО В ВОЛОЖИНЕ?

Мой отец, царствие ему небесное, в молодом возрасте, но при Советской власти закончил Воложинскую ешиву. Очень гордился этим фактом всю жизнь. Весной семьдесят третьего года отправили из СССР всякие бумаги и документы, которые нельзя было взять с собой в Израиль. Документы можно было сдать в голландское посольство, которое выполняло тогда роль посредника с еврейской страной. Мы с отцом отстояли очередь, и потом меня запустили в кабинет консула-голландца. Отец остался в коридоре ждать результата. Так получилось. Со мной была папка юношеских рассказов, которые отпечатала девушка-машинистка за два рубля в двух экземплярах. Еще была пожелтевшая бумага об окончании моим отцом Воложинской иешивы и еще какие-то свидетельства. Отец сказал, что надо внушить консулу важность его бумаги из Воложина. Он положил ее между картонками и закрепил картонки скрепками.

Вместе с консулом, высоким человеком с хорошим европейским лицом, сидела девушка-переводчица, очень симпатичная, пластичная, породистая. Светило апрельское солнце, окно было покрашено текущей откуда-то сверху водой. Голландец по-русски понимал, но присутствие переводчицы необходимо, это было всем понятно. Держава, контора, никто веников не вяжет, как тогда говорили. Я передал голландцу свою папку, продемонстрировав ее содержимое. Он пролистал несколько страниц и сказал «да», передал переводчице на проверку. Потом дошла очередь до документов. Все прошло. Переводчица улыбалась своей лучшей женской улыбкой мне, человеку без советского гражданства, то есть почти уже и не человеку. Этой ее улыбкой я горжусь до сих пор. На мне была выходная белая рубашка и галстук, который повязал сосед в Питере, лихой, но добрый выпивающий человек.

«А это документ об окончании моим отцом религиозного училища в Белоруссии лет сорок тому назад», – сказал я консулу и передал ему картонку с «асмахтой», так это отец называл. Консул посмотрел картонку, зачем-то передал ее переводчице, и та внимательно прочитала содержание отцовской бумаги. «А почему он сам не зашел ведь он здесь с вами?» – спросил консул мельком. «Он не слишком коммуникабелен, ему трудно общение с важными людьми», – ответил я за отца. Переводчица засмеялась. Короче, взял голландец бумаги, и все пришло в Израиль. Через три месяца, в августе, совершенно не ощущая жары, я все получил в Тель-Авиве в беленом бараке государственного учреждения. И воложинский документ тоже дошел, чему отец был очень рад.

Он прожил в еврейской столице еще двадцать счастливых лет. В конце он сильно сдал, суровый уступчивый человек, но все помнил, молился Богу, каждый день читал с друзьями «а блат Гиморе», жил как умел. Один математик, знаменитый ученый, который

занимался вместе с отцом Талмудом, случайно встреченный у знакомых, сказал мне: «Ваш папа все помнит наизусть, это невероятно, гордитесь им». Я ответил, что горжусь отцом, что его жизнь непростая очень. Математик посмотрел на меня странным, отстраненным взглядом постороннего, и больше мы с ним не говорили. Он показался мне гордецом; по слухам, ему было чем гордиться в своей жизни.

Году в девяносто втором отец начал приставать ко мне с просьбой: «Устрой мне встречу с Пересом, мне очень надо с ним поговорить». Шимона Переса он не слишком почитал, считая его таким-то и таким-то, хотя отдавал должное его происхождению.

«Ихус, – говорил он, – очень важно». Ихус – это происхождение человека, его родственники, достойные уважаемые люди, ихус. Родственники как бы дают человеку удостоверение личности. Отец был человеком определенных понятий и взглядов, которые было невозможно изменить, конечно. Никто с ним не справился, никто не смог, не думаю, что это так уж хорошо. А надо сказать, что дед Шимона Переса (его фамилия была Перский) и был директором той самой Воложинской ешивы, в которой учился мой отец. Отец говорил, что этот Перский был большой человек, умница и знаток Книги. «А внучок-то что?» – спрашивал я отца раздраженно, и он пожимал плечами и замолкал. Мой вопрос казался на его понимание мира.

Потом выяснилось, что отец немного ошибался с родством Перского и Переса, но его заблуждение было устойчивым. А сам этот Шимон Перес, если кто забыл, был политическим деятелем в этом новом Израиле в конце двадцатого – начале двадцать первого веков, для тех повторю, кто не в курсе. Он не оказал большого влияния на эту страну, наверное, к счастью, на ее жизнь. А может быть, я и не прав, и он на новый Израиль повлиял, кто знает? Но вот отцу моему он был важен, а уж на мою жизнь он влияние оказал большое. За что ему благодарность и премия – вот этот самый рассказ.

Так вот, отец... Он требовал встречи с этим самым Пересом, большим израильским начальником; все годы он был начальником, этот крепкий мужчина с бугристым лбом. «Ну какой Перес, папа? Ну где я его тебе возьму?» – говорил я отцу. А он повторял, что необходимо встретиться с ним минут на пять-восемь, и все. «Я его не утомлю», – говорил отец кротко. Я грустил от этого. Говорил маме, что отец-то уже не тот совсем. Мама отвечала, что ничего не поделаешь, возраст.

Потом все выяснилось неожиданно. В один из дней отец расслабился и слушал русские новости по своему транзисторному синему радиоприемнику, который стоил два медных гроша. Говорила несравненная рыжеволосая Илана Раве, шикарная светская дама. Казалось, она пела свою рижскую соловьиную песню. Когда новости закончились и никого эти новости не обрадовали, отец сказал: «Видно, мне уже не встретиться с Шимоном Пересом, а жаль». «Да зачем тебе этот Перес сдался, ответь уже, папа», – спросил я. И тогда отец посмотрел на меня мельком и сказал: «Прочитал в газете, что он ездил в Белоруссию, был в гостях в Воложине». Я смотрел на него, он был необычно расслаблен.

«Хочу спросить у Шимона, что слышно в Воложине», – сказал на идише отец нежно.

К чему эта история? А вот к чему. Я сидел в компании своих товарищей. Нас было несколько человек. Умеренно выпивали и беседовали о многом, в том числе и о Дмитрие Быкове, есть такой персонаж в Москве. Как уверенно говорит мой иностранный товарищ, «Быков обладает грандиозным талантом». Иногда я с ним соглашаюсь, с его словами, потому что он очень умен и потому прав даже тогда, когда не прав. Он все видит насквозь своими пронзительными семитскими глазами, кажется, что это иногда мешает ему. Слишком много понимать про жизнь и ее законы тоже, знаете ли, нагрузка. Другой мой товарищ лечил в это время компрессами плечо, заболевшее от компьютерной работы. Седые волосы украшали его удивленное подвижное лицо гуляющего франта, человека с известным будущим. Он был самостоятелен, склонен сегодня к иронии и к отрицательным эмоциям, которые, обладая, изменяют его к худшему. Но все это под воздействием неумеренного употребления спиртного меняло лицо моего товарища к лучшему.

Стоит сказать, что этот Быков, про которого мой иностранный товарищ сказал, что он человек грандиозного таланта, меня не интересовал. Ну талант и талант. Глаза у него блестят, как у веселого, возбужденного мыша. Мой иностранный товарищ был склонен к некоторым преувеличениям. Быков однажды в Иерусалиме на книжной ярмарке с высоты своего дарования сказал, что создание Израиля является семантической, что ли, ошибкой, которая трудно исправима. И еще что-то сказал подобное, обругал кого-то, оскорбил даже. Что, почему он высказался так, понять было невозможно, во всяком случае, я этого не понимал. Никто у него, у этого Быкова, не спрашивал. Ну, сказал и сказал, бывает, в конце концов. Мой товарищ высказал тогда предположение, что этот Быков не слишком далекий человек, верхогляд и прочее. Обругал его, короче. Быков этот, полный человек с блестящими выпуклыми глазами сам был семитом. Может быть, он так сказал в Иерусалиме поэтому? Не знаю, все может быть, я ему что, судья, что ли, этому Быкову? На всех сил-то и нет, на все таланты, на всех поклонников этих талантов. А судьи все – в Иерусалиме, как мы знаем.

Много лет назад, когда я работал грузчиком на хлебозаводе в Питере, мне кричал во дворе на легком морозе невысокий очень веселый парень из нашей бригады, которого звали Леха Гусев: «Марик, а Марик, поди сюда, здесь земляк твой, Файнштейн фамилия, иди поговори». И я помню, как мне было не по себе от этой фамилии, как я смущался высокого голоса Лехи, проклинал его и прочее: «Ну что ты орешь, муило, нажрался в середине дня и орешь». Может быть, я из-за этого смущения и уехал из России, кто знает...

Присутствовала в комнате помимо меня и двух моих товарищей и особая женщина, прелестная, опасная, такая все знающая про компьютеры и другие подобные приборы, в совершенстве владеющая этими таинственными кнопками, которые создают виртуальный, несколько странный мир, в котором удобно живет такое

большое количество людей. Живут, и ничего себе, никто им и не нужен, как кажется со стороны. Всегда можно исправить ситуацию, нажав соседнюю кнопку, ведь так?! Или нет?

Нажал, и люди стали счастливее, умнее, добрее и здоровее, такая компьютерная чудесная иллюзия.

Я думал об этой женщине, что она именно такая, московская нежная специалистка с компьютером и GPS в одной руке и с телефонами разных систем в другой, свободно беседующая с Гонолулу и Вьетнамом, как с Петах-Тиквой и Хайфой, понимает этот мир как он есть на самом деле, без прикрас, как писали советские публицисты.

Хайфа здесь, конечно, ни при чем. Но все-таки есть такой город на севере страны, с некоторыми людьми, населяющими его. Фамилия у этой женщины была как у известного в Израиле иностранного футболиста, сурового красавца, большого мастера в центральной области защиты. Она сказала, что никакого отношения к футболисту не имеет, что жаль. «Сейчас у меня другая фамилия, всё мужья мои, мужья, но девичья моя фамилия очень странная, происходит от названия белорусского местечка, вы его не знаете, а там была большая и знаменитая на весь еврейский мир ешива, это далеко от вас», – сказала она вьедливым голосом любительницы виртуальной жизни. «Послушайте, уж не о городке ли Воложин вы говорите, уважаемая?» – спросил я, сразу почему-то сообразив, как бы меня озарило. Женщина кивнула. «Я никогда там не была», – призналась она. «Я тоже никогда там не был, но это не значит ничего, как говорил мой папа, а что слышно в Воложине, кстати, вы не знаете?» – спросил я. Она не знала. Было бы удивительно, если бы она еще и это знала, кроме управления навигатором и вычисления нужного алгоритма. Но хоть помнила про этот штетл, хоть могла произнести его название. И то хлеб, как выражались некоторые.

А вы говорите компьютеры, мобильные телефоны, виртуальная действительность и книжка Набокова «Лолита» большими буквами на планшетном экране в авторском переводе на русский язык. Все это чудно, конечно. Мы за прогресс и мир во всем мире всей душой, мы за развитие электронных связей и компьютерной техники, мы за компьютерные вирусы, пожирающие зло, мы за Стива Джобса, в известном смысле, он всегда с нами, этот странный небритый энергичный человек без страха и упрека. Но чего это все стоит, между нами, когда еще есть Воложин и память о нем, а? Скажите.